

18+

Владимир Владимирович
Мерссир

Протокол круга

Владимир Мерссир

Протокол круга

<https://litres.ru/74465819>

ISBN 9785007124805

Аннотация

Все изложенные в произведении события являются плодом воображения автора. Любое их совпадение с реальными местами, людьми, организациями — абсолютно случайно.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава №1	5
Тёмные мысли о светлом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Протокол круга

Владимир

Владимирович Мерссир

Дизайнер обложки Владимир Владимирович Мерссир

© Владимир Владимирович Мерссир, 2026

© Владимир Владимирович Мерссир, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0071-2480-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава №1

Тёмные мысли о светлом

По лестнице спускался мужчина, и каждый его шаг отдавался глухим эхом, будто сама тьма жадно глотала звук. С каждым шагом тело становилось легче — словно гравитация понемногу отпускала хватку, — но это была лишь физическая свобода. Душу же сковывало что-то древнее и холодное, будто само пространство знало, куда он идёт, и заранее торжествовало.

В руке он сжимал чёрную книжку из тёмно-красной кожи — редкой даже для этой планеты. Натуральная отделка казалась почти живой на ощупь: едва заметная дрожь пробежала по швам, словно внутри перекачивались крошечные кости. Он не хотел об этом думать — и всё равно думал.

Спуск всегда был иным: то ступени будто удлинялись, растягиваясь в бесконечность, то воздух становился гуще, наливался тяжестью, как застывающий мёд. Раз на раз не приходилось. Но теперь он брал с собой только самое необходимое — не из практичности, а из обречённости: он знал, что назад, скорее всего, не вернётся.

За его плечом висела походная сумка, купленная ещё в юности. За годы её службы в ней перебивало что угодно: карты забытых миров, осколки чужих клятв, сухие травы, призванные отгонять черных сук... Сегодня в ней лежало то, без чего встреча была невозможна. И то, что могло его усыпить.

Он остановился на середине пролёта, когда воздух вдруг стал пахнуть озоном и старым пеплом — так пахнет место, где недавно умерла надежда. На мгновение ему показалось, что по ступеням выше скользнуло что-то длинное и бескостное, но он не обернулся. Не потому что был смел — а потому что знал: если увидишь, уже не сможешь забыть.

И он снова шагнул вниз. Туда, где тьма ждала его не как враг, а как старый знакомый, который давно назначил эту встречу.

Мужчина поправил сумку резким движением плеча — ремень дёрнулся, будто пытался удержать его наверху, не пустить дальше. Он посмотрел на свечу, которая горела вечно: пламя не колебалось, не тянулось к сквозняку, не мерцало — оно просто было, как нечто, что существовало вне времени. Позади, на стене, темнели символы — грубо вырубленные, будто выбитые в камне чьей-то отчаянной рукой. Они имели свойство держать тьму внизу, но мужчина знал: эти знаки не столько сдерживали, сколько договаривались с ней. И договор этот с каждым спуском становился всё хрупче.

Он выдохнул — и этот выдох прозвучал слишком громко в звенящей тишине, словно он сам нарушил какое-то негласное правило. Потом снова шагнул вниз, всё глубже во тьму, и ступени под ногами будто становились мягче, словно уже не камень, а что-то живое, принимающее его шаг.

Его раздирали мысли о том, что сегодня опять придётся много писать — выводить буквы, которые, возможно, станут

последним, что он оставит после себя. И вести разговор, в котором каждое слово будет взвешиваться не собеседником, а самой тьмой. Он не боялся слов — он боялся того, что они могут пробудить.

На каждой ступени были выбиты знаки и элементы — будто впечатанные в камень веками, намертво, с упрямой настойчивостью. Они имели долгую прописку в этом месте и словно сопротивлялись любому движению вниз: казалось, сами линии тянулись к ногам, цеплялись за подошвы, не желая, чтобы тьма покидала эту глубину.

Обречённый посмотрел вверх. Там, в высоте, ещё держался свет — тонкая, почти прозрачная полоска, как след от лезвия на чёрном небе. Но с каждым его шагом вниз этот свет терялся во тьме, растворялся, как крик в вакууме. И он чувствовал, что сам исчезает так же — не сразу, не резко, а по частям, будто ступени забирали у него по одному воспоминанию, по одной черте, пока от него не останется только имя, да и то стёртое краем тени.

На одной из ступеней была выбита форма существа, которое почти невозможно представить в реальной жизни. Оно напоминало бабочку, вырвавшуюся из кокона, но в изгибах крыльев и тонких прожилках сквозило что-то чудовищное: линии сплетались в узоры, от которых холодело в груди, а взгляд будто соскальзывал, отказываясь фиксировать детали. Казалось, этот рельеф не просто изображал существо — он хранил его шёпот, его дыхание, его голод.

Обречённый облокотился о стену, чувствуя, как камень под ладонью едва заметно вибрирует, будто отзывается на его усталость. Опускаться во тьму было не так легко, как глаasila старая поговорка. Это было сродни попытке шагнуть в собственное забытие.

Он вытащил бутылку с водой и лимоном — она была ледяной, запотевшей, будто только что вынутой из вечной мерзлоты. И как только он открыл её, вкус начал меняться. Вода подстраивалась под его память: если он хотел сладкого — она становилась сладкой; если в мыслях всплывало вино, которое он пробовал однажды на берегу чужого моря, — она превращалась в это вино, до последней узнаваемой ноты. Любой напиток, что когда-либо касался его языка, мог ожить в этой бутылке.

Сейчас вкус был водой — но не простой. В нём чувствовалась тяжесть глубины, привкус камня и едва уловимый холодок, будто в жидкость капнули тьму. Он сделал ещё один глоток и понял: вода не просто исполняла желания. Она спрашивала, чего он хочет на самом деле. И от этого становилось страшнее, чем от любых знаков на ступенях.

Чем ниже он спускался, тем ярче разгорался свет свечей там, внизу — словно тьма не могла его погасить, а только раздувала, как угли. Это была Ступень Знаний — место, где знание не дарило свободу, а становилось цепью. И там, в центре, сидело Оно.

Усталый, с ногами, налитыми свинцом, он продолжал

спускаться. Каждый шаг отзывался в груди глухим эхом, будто сама лестница считала, сколько ему осталось. Он уже видел собеседника — силуэт. Тот был обречён так же, как и он: не проклятьем, не приговором, а самим своим знанием, которое невозможно было ни отдать, ни забыть.

Последние шаги дались тяжелее всего — и, возможно, были последними. Он остановился на последней площадке лестницы, где воздух стал густым, почти осязаемым, будто состоял не из молекул, а из тишины. Здесь всё было размечено: чёткие метки на полу, линии, за которые нельзя переступать. А вдоль них — соль, насыпанная в огромную чашу, которая выглядела древней, словно её выточили ещё до того, как люди научились строить города.

На чаше стояла чашка, покрытая гравировкой: знаки сплетались в узоры, от которых рябило в глазах, если смотреть слишком долго. Они не просто украшали — они удерживали, запечатывали, диктовали правила. Вокруг чаши горели свечи, и их свет не рассеивался, а держался плотным куполом, не пуская тьму внутрь и не выпуская то, что было внутри, наружу.

Вокруг места, где сидел собеседник, свечи стояли кругом, образуя границу. От них к центру тянулись колонны, похожие на решётки, — не из металла, а будто из застывшего света и тени. Они ограждали черноту от тьмы, а тьму от света, удерживая равновесие на волоске. Казалось, достаточно одного неверного слова, одного лишнего движения — и

эта хрупкая перегородка рухнет, выпустив то, что дремало в центре.

Уставший осмотрел собеседника — как и каждый раз, будто надеялся, что сегодня всё будет иначе, что взгляд зацепится за что-то простое, человеческое. Но она оставалась многогранной фигурой — углы её облика не сглаживались от повторений, и привыкнуть к такой личности было невозможно: она менялась не от настроения, а от самой ткани места, будто пространство подрисовывало к ней новые грани.

Сегодня она играла с игрушками. В её тонких пальцах лежали крошечные фигурки людей — сделанные так, что казались живыми, только уменьшенными до кукольного масштаба. Они двигались, шептались, спорили между собой, тянулись к ней, будто искали защиты или, наоборот, пытались что-то выторговать. От этого зрелища по спине бежали мурашки: не от самой странности, а от того, как обыденно она с ними обращалась — словно держала в руках не судьбы, а бусины для перебирания.

Он прошёл к центру площадки, туда, где стоял маленький круглый столик — тот самый, который он когда-то принёс сюда и собрал сам, деталь за деталью, будто возводил собственный островок порядка посреди хаоса. На столе, как всегда, горела большая свеча: её пламя ровно очерчивало границы круга, не давая тьме подступить вплотную. Рядом стояло старое кожаное кресло — с потёртыми ножками, с чуть расшатанным механизмом, позволявшим немного откинуть-

ся назад, чтобы хоть на миг притвориться, что можно отдохнуть. Иногда этого хватало, чтобы не упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.